

Стенограмма парламентских слушаний на тему «Вопросы совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации: тенденции и перспективы»

24 июня 2014 года

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Уважаемые коллеги! Разрешите начать наши парламентские слушания. В соответствии с планом работы Совета Федерации на сегодня назначены парламентские слушания по теме "Вопросы совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации: тенденции и перспективы".

Слово предоставляется председателю Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрею Александровичу Клишасу.

Пожалуйста.

А.А. КЛИШАС

Спасибо, Алексей Иванович.

Я буду очень краток, потому что у нас сегодня такое, скажем, сугубо рабочее заседание. И я в первую очередь хочу поприветствовать Владимира Александровича Давыдова, еще раз поздравить с назначением заместителем Председателя Верховного Суда.

Очень важно, что Вы сегодня присутствуете при обсуждении данного вопроса.

Владимир Николаевич, прошу. Мы просто решили начинать. Все подходят, у всех парламентариев, понятно, очень напряженный график. У наших коллег тоже параллельно проходит несколько важных мероприятий. Поэтому к нам будут присоединяться наши коллеги.

Я думаю, что для нас самое важное, чтобы мы выработали те концептуальные подходы, которые позволят нам, скажем так, не спорить о том, что мы делаем, а в большей степени обсуждать, как мы должны достичь тех общих целей, о которых договорились.

В конечном счете мы все с вами понимаем, что мы хотим выработать некоторые новые редакции известных документов. У нас есть соответствующие поручения. Вот Владимир Николаевич Плигин провел гигантскую работу, мы с ним несколько раз это обсуждали, связанную с Кодексом об административных правонарушениях. Может быть, он поделится опытом, как ему это удалось, потому что это как раз тоже документ, который претерпел огромное количество правок, изменений и так далее. И в конечном счете наши коллеги в Государственной Думе приняли, я думаю, абсолютно верное решение просто подготовить новую редакцию, когда будут учтены все необходимые изменения и дополнения.

Поэтому я еще раз хочу всех поприветствовать. Надеюсь, что часть коллег, кто задерживается, присоединятся к нам. И всех призываю к такой, может быть, рутинной, немного скучной, но продуктивной работе.

Алексей Иванович, пожалуйста.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Уважаемые коллеги, несколько слов.

Двадцать лет назад в стране сменился общественно-политический строй. Принята новая Конституция, которая провозгласила и частную собственность, и рыночные отношения. Речь идет о том, что государственная власть осуществляется теперь через разделение властей. И за эти годы был принят ряд серьезных законодательных актов, касающихся проблем борьбы с преступностью: Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, другое законодательство, обеспечивающее деятельность правоохранительных органов. Но за эти годы мы не создали единой концепции отношений власти с преступностью в условиях смены общественно-политического строя, государственного строительства, не было разработано единой системы, единой научно обоснованной концепции, и это повлекло за собой серьезные, с нашей точки зрения, последствия, которые мы бы хотели сегодня преодолеть, изменить, поправить это положение вещей.

Это привело к многочисленному принятию законов, которые зачастую противоречили друг другу, с большим количеством поправок и дополнений. И зачастую ведомственные интересы стали превалировать над государственными. Даже 15 лет назад, 12 лет назад, когда встал вопрос о том, что нужно создать единый центр уголовной политики при Президенте, парламенте в стране, этот вопрос не был решен положительно. И зачастую к органам власти обращались руководители правоохранительных органов, силовых структур, люди весьма уважаемые, влиятельные, со своими конкретными предложениями. Они были поддержаны. Таким образом, они зачастую противоречили другим позициям. И вот мы имеем то положение вещей, которое сегодня существует.

И вот задача, которая была поставлена на парламентских слушаниях пять месяцев назад, как раз и состояла в том, чтобы проанализировать законодательство в сфере правоприменительной практики, в сфере борьбы с преступностью. Вы помните, что 18 ноября прошлого года под председательством Валентины Ивановны Матвиенко в этом зале, кстати, состоялись парламентские слушания на эту тему. Была создана рабочая группа, в которую вошли

руководители Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, органов МВД, ФСБ, руководство Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, депутаты Государственной Думы и сенаторы, занимающиеся этой проблемой. Был образован экспертный совет, куда вошли ведущие ученые в области уголовного права, процесса, руководители научных учреждений, которые занимаются этим направлением.

Мы исследовали, провели серьезный анализ этой работы по шести направлениям: уголовно-правовая политика – то, что касается Уголовного кодекса; уголовно-превентивная политика, где мы столкнулись с проблемой, когда страна отвлеклась от вопроса предупреждения преступлений, преступности и, с точки зрения Министерства внутренних дел, нуждается сегодня в возвращении к этой проблеме, к ее решению; уголовно-розыскная политика, где очень много проблем как по законодательству, так и при осуществлении прокурорского надзора за законностью в этой области; уголовно-процессуальная политика, мы тоже об этом будем сегодня говорить; уголовно-исполнительная политика и уголовно-организационная политика.

Мы убеждены в том, что необходима разработка доктрины развития государственно-правовой политики в сфере борьбы с преступностью, после чего необходимо провести работу по подготовке новых редакций Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса, Уголовно-исполнительного кодекса в единой научно обоснованной системе, которые принять одновременно. Мы бы даже предложили Государственной Думе рассмотреть вопрос о введении дня кодифицированных актов, когда кодексы принимались бы, например, один раз в сессию, системно, что приостановило бы процесс вот этих вбросов противоречащих друг другу законопроектов.

И, как уже было сказано, мы считаем, что необходимо создать некий единый центр уголовной политики. Что это будет: при Президенте, при парламенте – это уже детали. Я думаю, что в консультациях с Президентом можно будет принять решение, в какой форме эта работа может проводиться. Но то, что она должна быть в каком-то едином центре, чтобы исключить противоречия, чтобы было единое понимание и учеными, и правоприменителями всех тех проблем, которые стоят в этом плане, – это очевидно.

Мы, изучая проблемы по всем этим шести направлениям, столкнулись с такими серьезными вопросами, например, в области уголовного права, когда за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью судья может назначить наказание от двух месяцев до 15 лет лишения свободы; когда не очень понятны такие формулировки в праве, в законе, как "преступная

иерархия"; или в уголовном процессе, когда около 70 процентов уголовных дел рассматривается сегодня без судебного рассмотрения доказательств, когда речь идет об особом порядке, когда дело о совершении тяжкого преступления может быть рассмотрено, по существу, без судебного рассмотрения доказательств, если можно так выразиться, суд на осуд, а не на рассуд, когда дело рассматривается без суда. Ну, это я условно так говорю. Это, возможно, влечет за собой судебные ошибки.

И к этому, к сожалению, привыкают и следователи, которые получают модные сегодня признательные, так называемые (в кавычках), показания, когда к этому готовы судьи, когда можно в простых условиях вынести приговор, не опасаясь его отмены, не опасаясь признания работы негативной, где положительные показатели и где, в общем, нет серьезного профессионального напряжения. К этому, к сожалению, привыкают и адвокаты, которые, получив гонорар, могут, собственно, не очень напряженно работать, и где процесс дальше идет, где всё зависит от вот этой царицы доказательств – признания вины, и вот эти все другие новые формы, которые, безусловно, интересны и полезны, но могут привести к негативным, обратным последствиям.

Много сегодня споров и в области состязательности, принципа состязательности. Мы не раз обсуждали то, что состязательность бывает двух видов – когда в споре рождается истина, когда при состязательности получаются правильные решения, или как в спортивных соревнованиях по боксу, когда побеждает более сильный боксер и где судья просто объявляет победителя. То есть всё это требует повышенного внимания.

Ну и также оперативно-розыскная деятельность зачастую, это я говорю о самых таких ярких случаях, когда нет ясности между провокацией преступления и оперативным мероприятием. Вы знаете дело Сугрובה и многие другие дела, которые являются последствием неясности и неопределенности в законодательстве. Всё это требует повышенного внимания, анализа действующего законодательства и правоприменительной практики, какие негативные последствия наступают от непродуманности или противоречий в законе.

Также мы изучали такие вопросы, которые касаются уголовно-организационной политики, когда речь идет о подборе и подготовке кадров, образовании юристов (вы знаете, что из программы юридических вузов были исключены или существенно уменьшены предметы по криминоведению). И в ходе даже нашей работы уже отменено решение об исключении из программы криминологии. Криминологию вернули в программу. Сейчас мы, кстати,

анализируем количество часов, которые отводятся в юридических вузах уголовному праву, процессу, криминалистике, экспертной работе, оперативно-розыскной науке и так далее.

Также нуждаются в изучении и анализе вопросы показателей в работе правоохранительных органов, статистики и так далее. Всё это вместе образует вот то направление деятельности, которое нами изучалось и положение которого, совершенно очевидно, может быть улучшено только при системном анализе этого вопроса.

Совершенно очевидно, что уголовную политику в стране делает некий треугольник: законодатель, суд и ученые. Сегодня здесь присутствуют депутаты Государственной Думы, сенаторы, здесь присутствуют представители руководства Верховного Суда Российской Федерации, здесь незримо присутствует Президент, который тоже является законодателем, присутствуют ведущие ученые нашей страны. Поэтому, я думаю, было бы правильно сейчас начать обсуждение этого вопроса с выступления заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации Владимира Александровича Давыдова.

Пожалуйста.

В.А. ДАВЫДОВ

Спасибо, Алексей Иванович.

Уважаемые участники и гости парламентских слушаний! Уголовная политика, как известно, представляет собой целый комплекс мероприятий, направленных на противодействие преступности, и объединяет в себе множество аспектов, включая криминологический, организационный, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, оперативно-розыскной и ряд других. Однако в наиболее концентрированном виде уголовная политика государства всё-таки больше выражается, или отражается, в уголовном и уголовно-процессуальном законодательствах.

В первом – государство устанавливает предмет уголовно-правовой охраны, основания и принципы уголовной ответственности, виды наказаний, а во втором – определяет порядок реализации норм материального права. Можно по-разному относиться к авторам концептуальных идей УК РФ 1996 года и УПК РФ 2001 года, к их разработчикам в том числе, но вряд ли можно отрицать тот факт, что эти кодифицированные акты на тот период соответствовали требованиям, которые должны предъявляться к кодифицированным актам. Я имею в виду внутреннюю согласованность, логику, сбалансированность санкций; если речь идет о процессе, то взаимосвязь отдельных норм, стадий, институтов. Всё это было.

Однако с момента принятия уголовного и уголовно-процессуального законодательства в эти акты были внесены многочисленные изменения. Я проверил в "Консультанте", по состоянию на прошлую неделю были внесены такие изменения: уголовное законодательство - принято 110 законов, а уголовно-процессуальное законодательство - принято 100 федеральных законов. А если речь идет об изменениях, то они исчисляются сотнями и, наверное, даже тысячами.

Надо сказать, что процесс активной законодательной, я бы сказал, интервенции, не мог не разбалансировать кодифицированные акты, которые очень тяжело переносят массированные законодательные изменения. Этот процесс продолжается, и нет числа законодательным инициативам. Нельзя не учитывать и практику Европейского Суда по правам человека, практику Конституционного Суда, который несколько концептуальных норм признал не соответствующими Конституции. Большое количество норм получило конституционно-правовое истолкование, которое весьма отличается от правоприменительного истолкования. Эти факторы объективно предопределили необходимость осмысления государственной политики, с тем чтобы выявить достижения, просчеты и, конечно, наметить пути совершенствования в целях повышения ее эффективности.

Здесь надо отдать должное Совету Федерации, который взял на себя нелегкую миссию – инициировал работу по совершенствованию уголовной политики. Были образованы рабочие группы, группы экспертов, была проведена большая аналитическая работа, собран очень интересный материал. Верховный Суд эту инициативу сразу же поддержал, мы активно включились в работу, наш представитель принимал в ней участие. Мы внесли целый блок инициатив, мы разделяем большую часть тезисов итоговых документов, подготовленных рабочей группой. В конечном счете этот документ мог бы стать основой для принятия политического решения о начале работы по совершенствованию правовой базы современной уголовной политики. Причем сегодня вряд ли целесообразно (мы знаем, как идет работа над такими документами, как кодексы) принимать новые кодексы. Наверное, более удобно изложить действующие в новой редакции, включив в них системные коррективы.

Если говорить конкретно об уголовно-процессуальном законодательстве, то совершенно очевидно, что необходимо задачу уголовного судопроизводства сформулировать в соответствии с целями государства в этой сфере деятельности. Государство должно определиться, для чего, собственно, существует уголовный процесс – для быстрого раскрытия преступления, и воздаяния

за содеянное, и оправдания невиновных или исключительно для охраны прав участников процесса, хотя последнее и не ставится под сомнение.

Необходимо в качестве принципа процесса восстановить всесторонность, полноту и объективность предварительного и судебного следствия как залог справедливого правосудия. Сегодня закон публичных должностных лиц от этой обязанности освобождает. И думается, что в свое время отказались от этого принципа вследствие, мягко скажем, вульгарного представления о состязательности в уголовном судопроизводстве.

Суд с участием присяжных заседателей с усеченной подсудностью, рассматривающий не более 600 уголовных дел в год из миллиона, поступающих в суды, позаимствованный из Средневековья, – это, скорее, фикция, а не вовлечение граждан в отправление правосудия, что, кстати, гарантирует часть пятая статьи 32 Конституции, в соответствии с которой граждане имеют право участвовать в отправлении правосудия.

Может быть, нам стоит подумать об опыте Германии, Франции, Греции и других стран с родственной нам правовой системой, где также действует суд присяжных, но современный, актуальный суд, где состав присяжных варьируется? В зависимости от категории преступлений может быть и двое, и пятеро присяжных заседателей, которые вместе с профессиональным судьей решают основные вопросы по уголовному делу, а не так, как сегодня действует суд присяжных, когда 12 присяжных заседателей все вопросы решают самостоятельно. Причем этих вопросов может быть и полторы, и две тысячи.

Особую тревогу вызывает так называемый особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, о чем сегодня говорил Алексей Иванович. Этот порядок стал уже не особенным, а, как отмечают многие и ученые, и практики, вполне ординарным. В прошлом году было осуждено 755 тысяч лиц, если точно – 755 775 лиц, в том числе 526 063 лица были осуждены по нормам главы 40, то есть без установления виновности подсудимых в традиционном понимании этого слова в ходе судебного следствия. Это составляет 84 процента, если брать от числа осужденных. Если брать от общего числа дел, поступивших в суды, конечно, это будет 60 процентов, а от числа осужденных – 84 процента.

Причем изначально такой порядок распространялся на дела, санкции за преступления по которым не превышали 5 лет лишения свободы, затем увеличили до 10 лет. Потом, насколько я знаю, были предложения увеличить до 15 лет. В таком случае до 98 процентов уголовных дел

рассматривалось бы в таком порядке. Очень удобно следствию, очень удобно судам – всем удобно.

Разумные сроки, процессуальная экономия – вот критерии, которые лежали в основе этих нововведений. Это, конечно, очень важные принципы, но они не должны освобождать государство от необходимости доказывать виновность каждого обвиняемого в совершении преступления, к чему обязывает часть первая статьи 49 Конституции Российской Федерации.

Поэтому если и сохранять особые порядки, то как максимум применительно... я уже не говорю о том, что эти порядки сомнительны с точки зрения тех методов расследования, о которых мы периодически слышим из средств массовой информации. Есть данные о злоупотреблениях и превышениях. Вот недавно приговор был вынесен по такому делу. Если и сохранять, то применительно к преступлениям небольшой тяжести, чтобы насколько возможно минимизировать вероятность судебных ошибок.

Что касается досудебного соглашения о сотрудничестве, то здесь тоже (статья 40¹) есть о чем подумать. Может быть, следует нормативно определить перечень составов преступлений, по которым это возможно, но не по всем категориям преступлений.

В государствах с таким типом процесса, как, например, в Германии, в досудебном производстве ключевая роль принадлежит прокурору, как это, собственно, было у нас и по УПК РСФСР, и на первоначальном этапе действия УПК РФ 2001 года. На практике, надо сказать, никаких проблем не возникало. Алгоритм судопроизводства был следующий: следователь расследовал дело, прокурор, осуществляя публичные функции, выполнял процессуальный надзор, суд осуществлял оперативный судебный контроль. Сегодня прокурорский надзор... Причем сохранилась модель смешанного типа, при которой существуют досудебное розыскное следствие и состязательный процесс. Прокурор при отсутствии каких-либо объективных предпосылок к тому лишен этих функций, следователь расследует, а его начальник осуществляет за ним контроль.

Совершенно очевидно, что подмена прокурорского надзора ведомственным контролем, изначально ущербным в силу наличия ведомственных интересов, - это, скорее, шаг назад, чем шаг к обеспечению независимости следователя.

Уголовное законодательство, на наш взгляд, также нуждается в системном обновлении. Главная проблема – это разбалансирование санкций, перманентное их корректирование то в сторону ужесточения, то в сторону смягчения, массивные коррективы (я имею в виду

коррективы 2003, 2011 годов). Последние приводят к постоянному пересмотру приговоров в порядке статьи 10. И в конечном итоге цели уголовного наказания не достигаются, поскольку от первоначальных приговоров ничего не остается после приведения приговора в соответствие с новым законом.

Все правовые последствия, о чем неоднократно говорили, в УК РФ 1996 года законодатель почему-то увязал с категорией преступления. Я имею в виду давность привлечения к уголовной ответственности, погашение судимости, условно-досрочное освобождение. Тогда как в УК РСФСР в этом смысле было более гуманное правило – все правовые последствия определялись исходя из конкретного наказания, определенного за конкретное преступление. Вот к этому надо было бы вернуться, и к этому вернулись в 2011 году, но в довольно странной форме. Судам предоставили возможность изменять категории преступления, то есть характер, который изначально задает законодатель, – предоставили возможность суду. Поэтому "вижу тяжкое преступление", "вижу преступление средней тяжести", "вижу преступление небольшой тяжести", "вообще ничего не вижу". Я уже не говорю о коррупционной составляющей этого закона.

Диспозиции многих статей чрезвычайно перегружены и сформулированы без учета того, что каждое слово диспозиции, по сути, подлежит доказыванию. Возьмите для примера и посмотрите 185-е со значками статьи. Видимо, по этой причине эти статьи практически не работают.

В последние годы государство прилагает колоссальные усилия по противодействию коррупции. Тем не менее совершенно не понятно, что препятствует возвращению в Уголовный кодекс конфискации имущества в качестве уголовного наказания. И нам не совсем понятно было, по каким мотивам исключали это наказание. Почему такие преступления, как получение взятки и дача взятки, я имею в виду части первые статей 290, 291, отнесены к категории преступлений небольшой тяжести, по которым лицам, впервые совершившим данные преступления, в соответствии с нашим же законом и лишение свободы назначить нельзя – закон запрещает, а вот за посредничество во взяточничестве почему-то до пяти лет лишения свободы санкция.

Одним из концептуальных положений УК Российской Федерации 1996 года был отказ от административной преюдиции. Это криминализация деяния по признаку совершения административного правонарушения в течение определенного срока и, соответственно, наказание за это правонарушение. Авторы УК (первой вот этой редакции 1996 года) по этому поводу говорили, что из тысячи кошек не создать одного тигра. Тем не менее административная

преюдиция довольно последовательно просачивается в ткань уголовного законодательства. Это, наверное, тоже вопрос для осмысления и обсуждения.

Вопрос института административной преюдиции проходит, как правило, под лозунгом либерализации уголовного законодательства. Однако именно у административной преюдиции еще с УК 1926 года и 1960 года сформировалась репрессивная репутация. Этот процесс, как я уже говорил, действительно необходимо осмыслить и, вероятно, внести соответствующие коррективы.

Разумеется, это далеко не все проблемы уголовного права, уголовного процесса, которые надлежит осмыслить и по которым надо наметить пути решения.

В заключение хотелось бы еще раз сказать, что та большая работа, которая была проведена по инициативе Совета Федерации, – работа очень важная, нужная, и как минимум результаты этой работы могут быть использованы в качестве старта для такой серьезной работы по формированию уголовной политики, для принятия политических решений по этому поводу. Спасибо за внимание.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Владимир Александрович.

У нас есть несколько человек, которые записались на выступление. Я предлагаю всем коллегам, кто присутствует и участвует в наших слушаниях, направить сюда в письменном виде записки, и мы предоставим вам возможность выступить.

По регламенту. Вы представляете себе то время, которое предложено в тех материалах, которые розданы. Мы его будем соблюдать. Я думаю, что это не вызовет каких-то проблем.

А сейчас я предложил бы выступить заведующему кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ Владимиру Сергеевичу Комиссарову.

В.С. КОМИССАРОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Спасибо за то, что предоставляете возможность выступить со столь высокой трибуны. Понятно, что я в данном случае выступаю не только от своего собственного имени, а я выступаю в том числе и от имени наших коллег, которые неоднократно обсуждали проблемы и реального состояния, и совершенствования современной уголовной политики во время наших научных встреч.

Учитывая ограниченность времени, я обозначу всего несколько тезисов, которые постараюсь развить.

Очень хорошая, обстоятельная аналитическая записка, которая была подготовлена по результатам обсуждения и в рабочей группе, и в экспертной группе, с полной очевидностью показывает, что мы уже прошли этап, когда можно было говорить о том, что нужно – новая редакция Уголовного кодекса или новый Уголовный кодекс. Я пока этого вопроса не касаюсь. С моей точки зрения, должна быть именно новая редакция.

Значит, теперь, очевидно, есть необходимость обратиться к следующему вопросу. А суть следующего вопроса – это механизм реализации того решения, которое предположительно может быть принято, в том числе по итогам этого обсуждения. В этом аспекте я и хотел бы высказать несколько своих соображений.

Тезис первый. С моей точки зрения, прежде чем начинать работу по подготовке новой редакции Уголовного кодекса, должен быть принят политический документ под названием "концепция о борьбе с преступностью" по трем соображениям.

Соображение первое. Эта концепция, вернее, её положения, её границы, они являются объективным ограничителем произвола законодателя (то, что заложено в концепцию). Значит, любой законопроект, который вводится законодателем, он должен соответствовать принципиальным положениям этой концепции, так, как это сделано в Казахстане (я уже об этом на прошлых парламентских слушаниях говорил).

Вторая позиция, с моей точки зрения, тоже принципиально важная, сводится к тому, что государство должно (оно должно, оно обязано по статусу) своим гражданам объяснить, что хорошо, что плохо, в какой степени плохо. То есть заложить концептуально в эти основы, в эту концепцию свое представление о том, каким образом нужно бороться с преступностью. Ну, 2003 год, приводили в пример, пожалуйста. Сегодня юридическое значение рецидива преступности нулевое. Совершил он одно преступление и был осужден или он совершил девять – санкция одна и та же, потому что закон не обязывает его учитывать, как это было раньше. А у граждан ведь тоже есть определенное понимание, люди-то видят, каким образом государство относится, значит, появляются какие-то определенные подозрения.

Есть еще третья составляющая с точки зрения концепции. Как мне думается, это и для ученых очень важно, потому что наши исследования, которые мы проводим, они будут осуществляться, прежде всего, в соответствии с теми принципами, с теми целями, функциями, которые будут зафиксированы в этой концепции. Это тезис № 1.

Тезис № 2. С моей точки зрения, я не могу с уверенностью судить, насколько хорошо подготовлены ученые, специалисты в области уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности, могу говорить только о нас, простите, "чистых уголовниках", если можно так употребить это слово, но тем не менее из того, что следует на сегодняшний день, очевидно, что при принятии решения о подготовке новой редакции Уголовного кодекса необходимо объявить мораторий на изменение законодательства. Это может быть полгода, это может быть год, или, может быть, воспримут ту идею, которую проговаривали на прошлых парламентских слушаниях, – один раз в полгода принимается соответствующее решение.

Простейший пример приведу. 5 мая (почему-то совпадение такое) 2014 года. В один день принимается сразу пять федеральных законов, которые вносят изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Я так полагаю, что инициаторами всех этих пяти законов были разные люди, и поэтому не нашлось вот того комитета... Кстати, вторые парламентские слушания, а представителей комитета по законодательству, который курирует в основном уголовное законодательство, я, к сожалению, не вижу, извините... очевидно, не выполняет свою функцию. Зачем это нужно?! Тем более что получается соответствующее расслоение, я бы сказал так. Я потом еще вернусь, если будет время, к этому вопросу.

Третье обстоятельство, которое, как мне представляется, имеет серьезное значение на сегодняшний день. Мне кажется, не только рассогласованность самого Уголовного кодекса, но и изменение системы социальных ценностей, для охраны которых, прежде всего, создавался Уголовный кодекс.

Я уже приводил пример по этому поводу. Еще раз коротко повторю. Против половых преступлений, в трех статьях, – пожизненное лишение свободы, и абсолютно все нормы – с реальным лишением свободы. Преступления против жизни и здоровья человека – одна статья, альтернатива лишению свободы – примерно 50 на 50.

Так что, собственно говоря, является более цельным: Конституция или?.. Что самое ценное, вообще, есть в обществе? Конституция говорит: жизнь человека! Кроме того, еще раз повторю, всё-таки установление наказания в виде пожизненного лишения свободы за деяния, которые прямо не связаны с посягательством на жизнь человека, – это государственное подстрекательство. Государство само подстрекает преступника. Если он убьет (преступление в половой сфере) потерпевшего, у него есть шанс, что его не найдут, соответственно. Нельзя этого делать, просто-напросто нельзя этого делать.

Повторяю, изменилась система почему-то. Первоначально по одной идеологии выстраивался Уголовный кодекс, а сейчас стал перестраиваться совершенно по-другому.

Третья позиция. Суть. С моей точки зрения, изменения, которые нужно внести в Уголовный кодекс (имею в виду центральную, конечно, идею, что будет новая редакция), можно разбить на три группы.

Первая группа – так называемые текущие изменения, те, которые без всяких финансовых, научных, мозговых затрат можно совершенно спокойно сейчас внести в Уголовный кодекс. Ну, нет у нас неоднократности в Уголовном кодексе, а два криминообразующих признака в Уголовном кодексе есть. Прямое противоречие. Совершенно спокойно можно решить.

Второй блок изменений – это так называемые перспективные. Они более серьезные, потому что касаются уже необходимости большего осмысления их, соответственно, и гораздо большей, наверное, требуют системности видения. Для этого нужен больше срок сам по себе.

Я бы назвал еще один вариант, третий. Не скажу, что это перспективные изменения, я бы его назвал – концептуальные изменения. Вот Владимиром Александровичем уже приводился пример по поводу того, что суду предоставили право изменять категорию преступления. А я добавлю еще другой состав, другой, так сказать, вариант, когда сняли нижние границы санкций. Статья 151¹, по-моему, предусматривает уголовную ответственность за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним. Да, наверное, это очень важно. Но хотелось бы спросить: "А сколько, вообще, таких дел есть?" Вот у меня такое ощущение, что их практически нет. С другой стороны, посмотрите (специально посмотрел статистические данные за прошлый год): 2013 год, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, о чем говорили, – 34 786, ноль дел – по незаконной продаже несовершеннолетним алкоголя, и почти 35 тысяч дел, по которым санкция начинается с двух месяцев лишения свободы. А если посмотреть еще по преступлениям средней тяжести, прикинуть, там тоже 36 тысяч, соответственно. Вот вам, пожалуйста, 100 тысяч дел набирается, где судья может в зависимости от своего желания назначить наказание в виде двух месяцев лишения свободы или 10, 12, 15 лет лишения свободы. Правильно это? Совершенно неправильно, с моей точки зрения.

Еще одно обстоятельство укажу. Часть третья статьи 186 – это фальшивомонетничество. 16 826 дел в прошлом году. Санкции: от двух месяцев до 12 лет лишения свободы. А что такое фальшивомонетничество? Это ведь не просто обман конкретного потребителя, которому всучили соответствующую поддельную купюру, всё-таки это и подрыв финансовой системы государства,

потому что в конечном счете страдают и государство, и конкретные люди, которые попадают в эти ситуации. А суду говорят: "Да как хотите, так и рассматривайте эти дела". А что значит два месяца? Тем более учитывая возможность перевода в другую категорию, при которой лица могут не привлекаться к уголовной ответственности. Перевели в ту категорию, где предусмотрено до трех лет лишения свободы, первая категория, и по закону назначить наказание в виде реального лишения свободы нельзя. Так требует закон. Судья будет формально прав. Вопрос в другом – по существу прав он или нет?

Что еще надо иметь в виду, с моей точки зрения? Я так полагаю, что системный подход к изменению действующего Уголовного кодекса возможен. Я не знаю, насколько есть соответствующие наработки у специалистов в области уголовного процесса, в области оперативно-розыскной деятельности. Я думаю, что с точки зрения механизма, наверное, будет правильно поступить таким образом: а) все-таки концепцию о борьбе с преступностью готовить (обязательное условие); б) дальше по мере готовности то, что уже, подчеркиваю, сейчас есть в этом аналитическом докладе, который должен был озвучить Алексей Иванович... Но он частично что-то сказал из него, там есть показатели наиболее вопиющих ошибок законодателя, которые совершенно очевидны.

Действительно, почему государство в лице суда должно короновать вора в законе? Часть четвертая статьи 210 говорит об этом: "...лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии". Значит, государство официально признает этого человека вором в законе. Ему не нужно теперь тащить, извините за выражение, деньги в общак, то, что делается сейчас. Ему достаточно только такой ситуации, не более того. Правильно это? Наверное, это неправильно.

Итак, завершая все-таки свое выступление, я прошу прощения, может быть, я затянул, мне сдается, что движение, которое я, во всяком случае, на сегодняшний день ощущаю со стороны Совета Федерации, повторяю, жаль, что не со стороны Государственной Думы, потому что все-таки Государственная Дума является, извините, "родителем" Уголовного кодекса, они же начинают работу первоначально в соответствии с действующей Конституцией, – поэтому решение, которое будет приниматься здесь... И большое спасибо, Алексей Иванович, еще раз скажу, действительно, нам удалось, не знаю, может быть, с нашей подачи, предоставления нашей информации Совету Федерации, но то, что решили проблему с восстановлением криминологии в качестве обязательной дисциплины, – это очень большое и очень правильное дело. Потому что только при этом условии мы можем подготовить студентов, которые бы понимали, что такое

преступность, причины преступности, состояние. Раньше такой возможности не было. Поэтому в данном случае, конечно, это очень хорошее и правильное решение. Благодарю за внимание.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Владимир Сергеевич.

Сейчас прошу выступить заведующего кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ Леонида Витальевича Головки.

Пожалуйста.

Л.В. ГОЛОВКО

Большое спасибо, Алексей Иванович.

Уважаемые коллеги! Я представляю здесь результаты работы уголовно-процессуального, скажем так, блока экспертного совета при рабочей группе и поделюсь с вами теми наиболее принципиальными выводами, к которым наша группа пришла.

Несомненная ценность работы, которая была проведена за эти месяцы под эгидой Совета Федерации, заключается как минимум уже в том, что нам впервые, наверное, удалось обсудить некоторые вопросы по поводу уголовного процесса с предельной откровенностью (то, в чем наш российский уголовный процесс, безусловно, нуждается).

И второй момент, который также принципиально важен. В отличие, может быть, от других направлений, где возможны какие-то изолированные, точечные реформы, уголовный процесс по определению концептуален. Здесь мы не можем не рассуждать концептуально, потому что мы прекрасно понимаем, что от решения на одной из стадий, допустим, стадии возбуждения дела или расследования, зависит решение на другой стадии, например, в надзоре, в кассации. Это невозможно разорвать. Скорее, та проблема, которую мы выявили, заключается в некоторых реформах, прошедших за эти годы, когда была разорвана действительно цельная уголовно-процессуальная ткань, которую необходимо восстановить.

Каковы принципиальнейшие моменты и те дискуссионные, может быть, моменты, которые обозначились в ходе нашей работы? Мы все прекрасно понимаем, и в этом, конечно, надо тоже отдавать себе отчет, что тот УПК Российской Федерации, хотя формально он и принят в 2000-е годы, – это, конечно, результат нашего развития 90-х годов.

В этом смысле он не открывал, а в какой-то мере завершал эпоху, сложившуюся в 90-е годы. Поэтому он, безусловно, в значительной мере отражает по своей идеологии тот период, когда наша страна являлась с точки зрения уголовного процесса не столько субъектом

построения собственной национальной модели, сколько неким, скажем так, объектом влияния зарубежных правопорядков, прежде всего, конечно, американского права в лице разнообразных экспертов, международных организаций и так далее. Мы прекрасно этот контекст понимаем.

Приведу оценку одного из известных американских дипломатов, который публично сказал и даже записал в одной из своих работ, что УПК РФ – это крупнейший дипломатический успех США на постсоветском пространстве в конце двадцатого столетия. В этом тоже надо отдавать себе отчет. К этому можно относиться в принципе спокойно, но есть два обстоятельства.

Первое. В результате этого Россия так и не получила собственную современную (подчеркиваю, современную) национальную модель уголовного судопроизводства, которую она могла бы развивать исключительно путем собственных интеллектуальных усилий.

И второе. Сконструированная система, влияние на которую в значительной мере оказали наши зарубежные коллеги, деформировала в определенном смысле нашу отечественную уголовно-процессуальную систему, историческую систему. Иначе, собственно, и быть не могло, так как мы взяли за образец страну с самым высоким уровнем тюремного населения, что в значительной мере предопределено недостатками самой уголовно-процессуальной системы, теми самыми сделками – "о признании" и так далее, которые понятно где зародились и где достигли своего апогея.

В то же время нельзя не признать, что России удалось всё-таки сохранить основы уголовно-процессуальной инфраструктуры, которые сформировались у нас как минимум за 150 лет, если отсчитывать с Устава уголовного судопроизводства. К счастью, это также удалось.

Поэтому общий вектор развития в этом смысле для рабочей группы был понятен – надо избавляться от несколько навязчивого влияния, прежде всего англосаксонской уголовно-процессуальной системы, и восстанавливать присущую России континентальную модель процесса, которая характерна для Европы и определяется по известной формуле: Европа минус Великобритания, а теперь и минус некоторые страны постсоветского пространства, которые находятся под явным доминированием тех же США, например, Украина. По этому поводу никаких серьезных споров в рабочей группе не было.

Дискуссии возникли, когда мы попытались ответить, как это необходимо сделать. И здесь возникли две точки зрения. В соответствии с первой из них восстановление европейской континентальной идеологии необходимо в полном объеме, подчеркиваю, в полном объеме. А полный объем континентальной идеологии и означает так называемый принцип истины. Это

короткое номинативное название, которым мы обозначаем континентальную систему. В соответствии с этим принципом суд, следователь, прокурор и дознаватель должны всесторонне, полно и объективно расследовать и рассматривать уголовное дело. Такого рода формулировки содержатся в современных УПК Швейцарии (новейшем, в 2011 году вступил в силу), ФРГ, Франции. Безусловно, этот принцип содержался в Уставе уголовного судопроизводства, от которого отсчитывается наша современная уголовно-процессуальная история.

Согласно второй точке зрения предпочтительным является сохранение идеологии действующего УПК РФ и ее определенное развитие с учетом позитивного, по мнению этих специалистов, опыта, рекомендаций международных организаций, в соответствии с которыми проводятся так называемые уголовно-процессуальные реформы второго поколения, а именно реформы, которые, как мы видим, прошли на Украине, в Киргизии, Грузии, отчасти в Казахстане в области уголовного процесса.

Вот, собственно, две точки зрения, вокруг которых шло обсуждение. Лично я, безусловно, поддерживаю первый вариант и в связи с этим хотел бы сделать несколько уточнений.

Во-первых, это, конечно, невозврат в советское прошлое, иначе бы нам пришлось признать советским, допустим, современный УПК Швейцарии 2011 года, что сильно удивило бы местных юристов. Другое дело, что в советской процессуальной системе сохранились определенные позиции, которые были заимствованы из Устава уголовного судопроизводства, она не полностью состояла из чисто советских положений. И это тоже надо учитывать. Это не возврат, безусловно, в советское прошлое, а это понимание разницы между теми положениями советского УПК, которые являются классическим отражением континентальной доктрины, и теми, которые действительно уже устарели и на которые ориентироваться нельзя.

Второй момент, на который я хочу обратить внимание. Конечно, вопрос о восстановлении континентальной идеологии и о принципе истины, он никоим образом не связан с конституционными основами российской правовой системы. К Конституции это не имеет никакого отношения вопреки (иногда) заявлениям, что это некое конституционно-правовое потрясение. Достаточно сказать, что Конституция принята 12 декабря 1993 года, а УПК вступил в силу с 1 июля 2002 года. И, по-моему, никто еще не говорил, что за те 10 лет, в течение которых Конституция действовала вместе со статьей 20 УПК РСФСР, были какие-то проблемы с точки зрения конституционности, и Конституционный Суд никогда не признавал статью 20 УПК

РСФСР неконституционной. Вообще, было бы странно даже чисто политически выдвигать такого рода тезис о том, что подобная реформа требует пересмотра Конституции, хотя бы потому, что это означало бы, что в течение 10 лет, то есть половину срока действия Конституции, действовала якобы неконституционная уголовно-процессуальная система, потому что статья 20, подчеркиваю, действовала до 1 июля 2002 года. Это, безусловно, контрпродуктивные аргументы. И ясно, что вопрос о модели уголовного процесса при наличии и при соблюдении тех принципов, а они универсальны для всех моделей, – это не вопрос конституционно-правового уровня, безусловно; это вопрос уголовно-процессуального уровня.

И третий аспект. Конечно же, то навязчивое американское влияние, которое мы сегодня критикуем, оно бывает иногда таким беспардонным, я бы сказал, и открытым, как это было, допустим, в 90-е годы. Но иногда, в других ситуациях, оно мимикрирует и становится рекомендациями международных организаций, непонятно откуда взявшимися дискуссиями о конституционности реформ, в результате которых предполагается избавиться от этого влияния, ссылками на блестящий опыт уголовно-процессуального строительства в Киргизии и на Украине, которые должны стать для нас образцом вместо отсталых (якобы) Франции, ФРГ и Швейцарии, и так далее. И это тоже, конечно, надо иметь в виду, когда мы оцениваем те или иные реформы.

С моей точки зрения, попытки консервировать уголовно-процессуальную идеологию 90-х, отраженную в новом УПК, или даже развивать ее в духе второй волны постсоветских кодификаций и рекомендаций БДИПЧ ОБСЕ – это, конечно, путь в никуда: мы постоянно будем находиться в этом пресловутом переходном периоде, и система будет становиться всё менее и менее эффективной технически, а когда она неэффективна технически, она и не способна обеспечивать права человека. Это тоже очевидный совершенно аргумент.

Поэтому в конечном счете общество ждет цивилизованную систему уголовной юстиции, а не воспроизводство каких-то рекомендаций, "сваренных на кухне" для постсоветских стран. Однако дальнейшее движение вперед, безусловно, требует политического решения, иначе вот это топтание будет неизбежным, и мы всё время будем вести уже набившие оскомину дискуссии, которые ведем уже в течение 23 лет, и это политическое решение должно определить в итоге национальную модель российского уголовного процесса. Если таковое решение будет принято, то тогда на его основании можно будет создавать цельную национальную систему уголовного судопроизводства и решать ряд приоритетных задач, которые тоже отражены в нашем докладе и которые являются результатом работы уголовно-процессуального блока рабочей группы.

Назову очень коротко и тезисно, обоснование есть в докладе, ряд этих первоочередных мер. Это, конечно же, прежде всего, оптимизация соотношения следствия и прокурорского надзора. Здесь надо абсолютно четко понимать, и эта позиция была сформулирована в докладе, что одно дело – судебный следователь, который был у нас по уставному судопроизводству, или следственный судья, тогда его взаимоотношения с прокурором определяются тем, что прокурор взаимодействует с представителем судебной власти (это один момент), и тогда действительно следователь и судья могут быть и независимы от прокурора, самостоятельны и так далее, другое дело – несудебное следствие. И, учитывая, что ни по организационным, ни по материальным, ни по, может быть, даже персональным критериям сейчас нет никакого резона восстанавливать, на данном этапе по крайней мере, институт судебных следователей (просто возможности такой нет), соответственно, следствие будет оставаться несудебным. В связи с этим, конечно, его полноценность может обеспечиваться только опять-таки полноценным прокурорским надзором, что в интересах самого следствия также с точки зрения его надлежащего функционирования.

Конечно, о чем совершенно справедливо говорил Владимир Александрович, необходимо обозначить точные пределы применения так называемых сделок с правосудием, которые, соответственно, тоже возникли, мы тоже примерно понимаем, как они попали в нынешний УПК. Для тех же самых американских экспертов это "сообщающиеся сосуды" с судом присяжных. Раз суд присяжных нельзя обеспечить по всем делам, то с целью полной состязательности, как у них самих, надо максимизировать вот эти сделки, чтобы они действовали по принципу сообщающихся сосудов. У нас в любом случае это не так. И сама идея сделок полностью оторвана от процессуальной реальности. Конечно, нужно вернуть их в точно обозначенные пределы. Я полностью согласен с предложениями Владимира Александровича, они, в общем-то, соответствуют тому, что было обозначено в докладе.

Необходимо, на мой взгляд, критически пересмотреть (и это также отражено в проекте доклада, который мы сделали) положение о том, что дознаватель, следователь, прокурор на досудебных стадиях являются сторонами обвинения. Ни к чему, кроме обвинительного уклона, это нас не приводит, и это несовместимо с идеей всестороннего полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Необходимо, наверное, оптимизировать систему судебных инстанций. Сейчас для этого прекрасный повод есть – создание нового Верховного Суда. Мы не вдавались в детали. Здесь есть, о чем поговорить. Ясно, что инстанционная система несовершенна, и ясно, что эту

ситуацию надо решать комплексно вместе с организацией судоустройства. Более подробное обоснование содержится в том письменном докладе, который мы представили.

Безусловно, я также полностью поддерживаю, во-первых, тезис о том, что позитивное развитие всей уголовно-правовой системы и уголовно-процессуального блока возможно только при некой интеллектуальной консолидации, когда мы сможем проводить реформы в рамках каких-то определенных институтов, определенного института при Президенте, при Совете Федерации, при Государственной Думе (это не принципиально). Тогда вернется системность. Нам ее сейчас очень не хватает. И уже на этой базе можно подумать о том, чтобы не ограничиваться какими-то локальными изменениями, а подготовить действительно новую редакцию Уголовно-процессуального кодекса. Я думаю, что этого вполне достаточно. Вот та инфраструктура действующего Уголовно-процессуального кодекса, техническая инфраструктура, позволяет путем таких очень точных, цельных, системных преобразований вернуть ему логику одной из ведущих континентальных моделей, которая полностью отражает историческое развитие российского процесса.

Спасибо за внимание.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Леонид Витальевич.

А сейчас я попрошу выступить председателя Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству Владимира Николаевича Плигина.

Пожалуйста.

В.Н. ПЛИГИН

Уважаемый Алексей Иванович, уважаемые коллеги! Спасибо большое за приглашение принять участие в столь важном мероприятии. И, конечно же, у меня была несколько другая нацеленность. Мне крайне интересно слушать каждого выступающего сегодня здесь, поскольку всё это должно получить отражение в конкретном законодательстве.

Я опоздал на две минуты, хочу вам сказать, исключительно потому, что для меня... поскольку от Государственной Думы до Совета Федерации нужно идти пешком... я вышел без зонтика и мог намочить книгу Наумова, профессора Наумова. Это двухтомник о преступлениях и наказаниях в истории России. Второй том я просто читал... Поэтому мне пришлось найти зонтик по дороге, и мне в этой части повезло...

Второй момент. Я думаю, что если говорить совершенно серьезно, в целом ряде случаев возникают какие-то мифы, которые... извините, пожалуйста, я здесь не даю оценки, просто появление той или иной нормы мне известно (достаточно часто) предметно, и не просто предметно, я также знаю точно, как она родилась.

Поэтому соглашение, досудебное соглашение или все эти соглашения... я знаю по минутам, как это родилось. Никакого, конечно, здесь американского влияния совершенно не было. Мы решали одну утилитарную задачу вместе со следствием. Нам нужно было найти механизм работы по организованным преступным группам. И для того чтобы этот инструментарий появился, появилось соглашение.

Во что превратилось далее это соглашение и как оно в настоящее время используется – это, конечно, отдельная история, она очень драматична. И поэтому в рамках этой драматичной истории давайте будем искать, наверное, какой-то совместный механизм. Но по крайней мере даже очень либеральные люди – адвокаты – мне говорят о совершенной недопустимости заключения такого рода соглашений с теми людьми, которые, например, совершают убийства. И уже когда фактически раскрыто преступление, на этой стадии возникает это соглашение, которое, несомненно, не позволяет назначить надлежащее наказание.

Говоря о попытках, и Совет Федерации... я должен сказать, что здесь определенную роль сыграла и Государственная Дума. Это была наша совместная идея – идея уголовной политики в Российской Федерации, попытка выработать эту политику. И действительно, давайте продолжим, поскольку политическая значимость этого вопроса исключительно важна.

Одно из утверждений, которое было здесь сделано, и оно имеет принципиальнейшее значение, профессор Комиссаров сделал это утверждение, – нам действительно нужно для того, чтобы говорить о чем-то, о какой-то политике, сконцентрироваться на тех или иных ценностях и определить значение этих ценностей. Вот это серьезный вопрос.

Общество, которое 23 года или некоторый период тому назад сделало новый шаг в определении своей истории (конечно же, за эти 20 лет не то что ценности менялись – менялось понимание ценностей, менялся вектор)... первое предложение, которое было сделано, то есть не только в вопросе уголовной политики, но и в других вещах, – это предложение заключалось в том, что вводилось в ряде случаев несколько искусственное отрицание, может быть, предыдущих ценностей, и были попытки за счет этих институтов решить вопрос поиска новых ценностей.

Я хочу сказать, что одна из ценностей, несомненно, непреходящая, ценность, установленная в том числе Конституцией, – это право на жизнь, правда, оно постоянно всеми нами трактуется только в связи с применением или неприменением высшей меры наказания. Право на жизнь – значительно более многоаспектное право. Мне понравилось то, что в своем последнем докладе, в крайнем докладе, представил Уполномоченный по правам человека Лукин Владимир Петрович (доклад Федеральному Собранию), – он уже ставит вопрос о том, что право на жизнь значительно более многоаспектное, и оно относится... далеко не поглощается тем, применять или не применять высшую меру наказания.

Это право на жизнь, в том числе и защиту жизни в рамках уголовного права, и в этой части (я здесь повторяюсь, говорил неоднократно) нам нужно совместно с Верховным Судом Российской Федерации, может быть, с прокуратурой предпринять попытку проанализировать всю совокупность назначаемого наказания по убийствам. Мне представляется, мы способны поднять эту работу. И тогда в качестве такого... вычленим, допустим, этот институт, посмотрим этот институт.

В данной ситуации я говорю о запросах общества. Общество говорит о том, что мы в рамках уголовной политики жизнь защищаем недостаточно, а тогда возможна и другая реакция – реакция в виде самосуда.

Не предрешаю решение вопроса, но несколько состоявшихся... Причем хочу сразу оговориться, что суды здесь ни при чем. Суды назначают наказание в соответствии с действующим уголовным законодательством, теми требованиями, которые мы выдвигаем к различного рода институтам.

Второй момент – это право на жизнь и физическое насилие. Действительно, есть определенная диспропорция: нет определенной гармонии в рамках половых преступлений (о чем говорилось) против несовершеннолетних, но общество считает необходимым это защищать самой высшей формулой, это было решено.

Второй аспект, уважаемые коллеги, который может показаться тоже спорным, но я на нем хотел бы остановиться очень кратко. Всё дело в том, что в рамках ценностей, о которых мы с вами говорим, есть и этот постоянно меняющийся акцент в обозначении этой проблемы. Несомненно, что в рамках этих меняющихся ценностей мы ставили перед собой... я думаю, у нас нет иного выхода, кроме как формирование здоровой структуры экономики. А в рамках формирования здоровой структуры экономики частная собственность, собственность мелкая,

собственность средняя и всё прочее, она имеет принципиальнейшее значение. Она имеет (подчеркиваю) огромное значение. Если мы с вами не построим "распыленную" по собственности экономику (малый бизнес, средний бизнес), то тогда у нас социальные сдвиги будут слишком сильные, мы не достигнем той цели (сегодня это не предмет, может быть, разговора здесь) – защита института собственности. И построение защиты института собственности и, наконец, продолжение этого института собственности, если угодно, стабилизация института собственности – конечно, это частично проблема уголовной политики. Это значительно в большей степени проблема налоговой политики, проблема политики фондов, когда мы вносим дисгармонию в эти институты. Но, возвращаясь к институту собственности, перед нами стояла задача, и она продолжает стоять, мы ее решали разными путями. Например, не понимаемая в некоторых случаях вещь: убрали налог на наследование. Приводят примеры целого ряда стран, где налоги достигают 90 процентов. Нам нужно было научиться воспроизводить этот институт. Поэтому, когда идут бесконечные рассуждения об институте конфискации, и институт конфискации...

Владимир Александрович, я уважаю эту точку зрения. Но когда говорят о том, что институт конфискации что-то способен спасти, то нужно понимать, что и предыдущий институт конфискации применялся кое-как или никак.

И следующий момент. Надо понимать в рамках института конфискации, что к имуществу относится, например, бизнес и предприятия, то есть обеспечительные процедуры, для обеспечения института конфискации... То есть необходимо понять, каким образом к этим имущественным комплексам будет относиться институт конфискации. Сейчас в Государственной Думе рассматривается законопроект, связанный с работой с вещественными доказательствами. Сколько скандалов мы здесь пережили!

Поэтому вторая ценность, или очень важная ценность, – собственность, и надо понимать, решают ли принимаемые меры в рамках уголовного законодательства задачу воспроизводства, стабилизации института собственности. Каждый раз, когда мы говорим об институте собственности, возражают, что мы защищаем крупную собственность. Совсем не так. Через эти институты мы защищаем в том числе малый и средний бизнес. Это очень важно.

Александр Николаевич, пожалуйста, обратите внимание: в ближайшее время, я надеюсь, будет принят закон о вещественных доказательствах (изменение подхода к работе с

вещественными доказательствами), и вы избежите огромного числа скандалов, и это отвечает запросам общества. (Заканчивать?)

Дело в том, что в отличие от присутствующих здесь, имеющих возможность глубоко теоретически думать, мне каждый день приходится думать практически. И в этой части пример.

Я с Вами полностью согласен, тот перекося, который сложился в настоящее время в уголовно-процессуальной практике, когда суды 84 процента дел, как Вы сказали, рассматривают по упрощенной процедуре... Но всегда возникает вопрос: а где же мы были или где вы были? Дело в том, что на стадии второго чтения Государственная Дума перенесла сроки рассмотрения текста законопроекта, который предусматривал увеличение сроков до 15 лет. И у меня очень большое подозрение, связанное с тем, что и Правительство Российской Федерации, и суды Российской Федерации, и участники, присутствующие здесь, либо не реагировали на это, либо поддерживали, либо отнеслись к этому не как к тому предмету, который нужно было обсуждать на стадии подготовки к первому чтению.

И последний аспект. В настоящее время мы пытаемся подойти к написанию Кодекса об административных правонарушениях и, может быть, сделать новую редакцию этого кодекса. Это вызвано исключительно технологическими, нормативистскими, если угодно, нормотехническими причинами, потому что (вы представляете себе Кодекс, вы с ним работаете) с ним очень сложно работать. Тем более что это (и это надо понимать) десятки миллионов раз применяемый Кодекс только по главе 12 (примерно 36 миллионов раз). Глава 12 – это административные нарушения в области дорожного движения.

В настоящее время мы пытаемся сделать новую редакцию, не перерабатывая фундаментальные институты. Пока работа идет по главам, и, я надеюсь, на следующей неделе в Совет Федерации поступит переписанная глава 23, которая определяет компетенцию различного рода органов и систем.

И поэтому единственное, что могу сказать, что без вынесения на рабочую группу, которая бы сделала это предметом своей работы, факультативно сочетая эту работу с другой совершенно работой, сделать это очень сложно. Поэтому должен быть какой-то костяк, постоянно работающий, который может проводить консультации с участниками процесса, представлять работу и потом ее обсуждать. Без такого рода костяка, постоянно присутствующего... Я с огромным уважением отношусь к нашим традиционным кафедрам, может быть, это институт МВД или институт прокуратуры, но где-то должна быть постоянно

действующая рабочая группа. В противном случае эту работу вместе с какой-то дополнительной работой потянуть исключительно сложно.

И последнее. Вбрасывается бесконечное количество очень интересных идей. Эти идеи красивые, эти идеи связаны с объективной истиной (в Конституционном Суде говорили об объективной истине), эти идеи связаны с уголовной ответственностью юридических лиц, я не знаю, изменением порядка привлечения, с чем я, может быть, частично и согласен, к ответственности за преступления в налоговой сфере, то есть вбрасываются совершенно новые идеи. Мы начинаем концентрироваться на этих идеях, и, как это всегда случается, концентрируясь на той или иной идее, вдруг она превращается в какой-то миф, без которого проблему решить нельзя. Поэтому в данной ситуации нужна действительно системность, а не выхватывание каждого отдельного звена.

И последнее. Я помню о том, что я третий раз сказал слово "последнее". Самое последнее. Четвертое. Совсем последнее заключается в том, что хочу вас заверить, что никакого... Вот весь наш разговор к жизни имеет непосредственное отношение, но он не будет иметь никакого к жизни отношения, если нам не удастся вбить в себя и вбить в тех людей, которые применяют норму права, вообще представление о правопорядке, правовой культуре и представление об уважении к жизни человека. Вот этот элемент философского воспитания юриста в настоящее время принципиальнейшим образом важен. Я не знаю, каким образом возвращение этого предмета, о котором мы в настоящее время говорим (предмет – криминология), будет этому способствовать. Но возвращение философии, реального преподавания философии, возвращение разговора о ценностях с любым... с нами лично и с сотрудниками правоприменительной "машины"... вот, Александр Николаевич, мы Вас знали как нашего коллегу, сейчас Вы вновь вернулись... Мне представляется, разговор о ценностях крайне и исключительно важен, не пустая это работа. Если после этого у кого-то в голове сложится наконец впечатление о том, что человек важен, и он будет думать об этом человеке, то это будет, наверное, самая большая победа. Самая большая победа будет заключаться в том, что... Не надо просто создавать абстрактную ситуацию и якобы организовывать эту взятку, а потом кого-то привлекать к ответственности за эту взятку – какая в этом?.. Ведь это ценностное заблуждение, это не заблуждение кодекса, это не заблуждение уголовной политики – это ценностное заблуждение. Внутри этого ценностного заблуждения... Значит, это ценностное заблуждение базируется на понимании справедливости своих действий, которая чем-то обусловлена, то есть каким-то внешним вынесенным интересом.

Поэтому самая главная проблема не столько в кодексах, сколько в головах наших, в нас, применяющих в настоящее время право. А когда...

Мне нравится, вообще, общаться, особенно с представителями науки: блестящие, умные, талантливые мысли! К сожалению, допустим, нам не удалось в рамках этих талантливых мыслей, например, до конца сохранить статью 159.

И полностью согласен с тем, чтобы определить два раза в год рассмотрение поправок в рамках уголовной политики целиком.

Спасибо за внимание.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Владимир Николаевич.

Я попросил бы выступить заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации – начальника Следственного департамента МВД Александра Николаевича Савенкова.

Пожалуйста.

А.Н. САВЕНКОВ

Уважаемый Алексей Иванович, уважаемые коллеги! Честно скажу, как-то сначала не хотелось... Если можно, очень тезисно.

Во-первых, я полностью согласен с тем, что факультативно эти проблемы не решишь. У меня был небольшой перерыв, скажем так, между одной стадией правоприменения и новой стадией правоприменения. Все вопросы начинаются, что называется, с самого начала.

Во все времена, меня так учили, уголовное дело считалось оконченным с момента вступления приговора в законную силу. Мы совершенно четко должны здесь понимать, где – следователь, где – прокурор, где – суд. Если мы все являемся стороной обвинения, я имею в виду до суда, тогда это понятная история. Мы должны усиливать влияние прокуратуры, усиливать надзор прокуратуры за предварительным следствием. Если мы принимаем за исходную точку концепцию о том, что вот всё-таки что-то... либо следственный судья, либо судебный следователь... то тогда следователь, заканчивая уголовное дело, отдает прокурору. И дальше пошли некие состязательные процедуры, все независимые.

Я сторонник всё-таки старой модели. Во-первых, я никогда не скрывал своих взглядов. Скажем так, во мне сейчас говорит уже не должностное лицо, а мой научный взгляд на ситуацию. Я категорически против того, что было реформировано прокурорское следствие. Потому что всё-таки это был достаточно серьезный, сильный отряд следователей, которые худо-бедно, но

120 тысяч дел в год регулярно заканчивали, и эти дела были... в общем-то, по большому счету, у общества больших претензий к этому следствию не было.

Вот на сегодняшний день нам нужно выработать четкую концептуальную позицию. Потому что в рамках действующего закона следователь расследует уголовное дело, мы всё время ведем, так сказать, дискуссию на предмет того, насколько прокуратура должна, больше или меньше, принимать участие в этом процессе и где пределы возможностей прокурорского надзора на этой стадии. После этого утверждается обвинительное заключение. Опять вступает в действие следователь, доводя, разнося и обеспечивая участие всей стороны обвинения в судебном процессе. Вот здесь нужно, на мой взгляд, первое, определиться с этим вопросом.

Второе. Мне бы хотелось, чтобы в рамках нашей уголовной политики было совершенно четкое понимание: мы всё-таки выступаем за то, что у нас будет, скажем так, большая биполярность, то есть мы будем иметь многие органы предварительного следствия и дознания, или мы всё-таки пытаемся как-то свести всё воедино. Вот здесь, скажем так, моя позиция по принципу "хорошо так, как есть", потому что любое реформирование всё равно вызывает последующую настройку всех систем. Но мы вот здесь должны сказать... Федеральная таможенная служба, судебные приставы, сейчас антимонопольная служба просит, ФСБ, МВД, собственно Следственный комитет. При этом мы должны опять-таки понимать, что это не простая проблема, это практическая проблема. Мы уже не один год говорим о том, что, кроме МВД, в стране следователей никто не готовит. Есть еще 70 человек, которых ежегодно выпускает Военный университет для Главного военного следственного управления. И всё. Если в советские времена следователь – это была основная командная специальность (не в обиду будь сказано всем остальным коллегам): кто достиг 25 лет, тот претендовал на роль судьи с определенными правовыми, так сказать, дополнениями, дополнительными опциями; у кого не здорово получалось, кто не ахти как учился – ну, извините, это были адвокаты. И совсем грустная ситуация была связана с нотариатом.

Сейчас же всё в обратную (да?), ровно всё наоборот.

В.Н. ПЛИГИН

Субъективная оценка адвокатов.

А.Н. САВЕНКОВ

Коллеги, я каждому, Владимир Николаевич, принес извинения. На сегодняшний день, если говорить о субъективной оценке, у нас есть право топливно-энергетического комплекса,

право нефтегазовой отрасли, право, я не знаю, финансовое, банковское, какое угодно, а в нашем родном Московском государственном университете, где я имею честь числиться профессором на кафедре криминалистики (почему говорю "числиться", потому что в последние два месяца не имею возможности туда ездить и преподавать), извините меня, всего пять аспирантов за шесть лет и две защиты. Вот вам... И попробуйте на эту криминалистику... Зато на гражданском праве... Вот Владимир Сергеевич выступал, я думаю, при всем уважении к уголовному праву, это наше всё, но на гражданском праве там яблоку негде упасть.

Поэтому с точки зрения следователей то, что мы сейчас готовим, мы должны понимать, какая потребность должна быть в следственных работниках, и определять совершенно четко их перспективы.

Еще одна маленькая вещь. Это уже из практики. Это вопросы доследственных проверок, перед возбуждением уголовных дел. Вот мы зачастую оставляем трое, десять суток на вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Вы знаете, сколько их отменяется? Сотни тысяч. Сотни тысяч! Причем иногда всё это отменяется, вот эти постановления об отказе... Я специально просто навскидку взял статистику нескольких лет, понимаете? И вы проследите, если не вдаваться в подробности, хоть по регионам, хоть в общем: 1,5–2 процента плюсом каждый год. Причем многие постановления по два, по три раза, по десять раз отменяются. Естественно, во всем виноват следователь, дознаватель МВД. Тут вопросов никаких нет. А дальше что? Я понимаю, если бы из этих отмененных хотя бы половина направлялась в суд. А так, если взглянуть на эту ситуацию со стороны обычного гражданина, то получается, что одни выносят постановление об отказе, другие отменяют постановление об отказе, все при деле, при зарплате, при кабинетах, а, извините, на улицу ночью особо как-то выходить не хочется.

Поэтому надо посмотреть. Я все-таки хотел бы, чтобы был решен вопрос с правовым статусом этого правового документа. Если мы отводим всего ничего, трое или десять суток на вынесение постановления об отказе, то мы должны понимать, что это не предварительное следствие. И не надо подходить к этому вопросу с мерками предварительного следствия. И нужно понимать, что у этого постановления должен быть фиксированный срок обжалования. А не так, как я получаю сейчас документы: с 2003 или с 1994 года проверили постановления – за 20 лет отменили 8 тысяч. Ну, нормально.

И обязательный критерий – это то, что постановление должно быть кем-то обжаловано. Если вынесено постановление, если там есть пострадавшая сторона, если эта сторона

своевременно уведомлена, если в течение года не было жалобы, ну давайте, наверное, как-то вот...

Еще раз говорю: то, что я высказываю, это мой личный взгляд как доктора юридических наук. То есть имею право и говорить, и писать то, что мне представляется разумным, поскольку это моя научная точка зрения. Поэтому мы могли бы существенно высвободить силы, если бы немножко, скажем так, разумно подошли к решению вопроса с отказными материалами.

Ровно такая же ситуация, можно сказать, еще хуже, с приостановленными уголовными делами прошлых лет, где не установлено лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности. Вы знаете, сколько их в стране? Больше 14 миллионов. Больше 14 миллионов!

Вы можете взять статистику на сайте Генеральной прокуратуры (блестящий, я считаю, совершенно замечательный сайт, там представлена вся статистика). Возьмите статистику, посмотрите, сколько весь следственный мир заканчивает уголовных дел, и вы поймете: нам нужно для этого 23 года, вот оставить всю текучку и 23 года заканчивать те дела, которые сейчас приостановлены. У нас есть такая возможность?!

Были разные времена, разные подходы к этим вопросам, были генеральные прокуроры, которые принимали решение о том, что по истечении сроков давности такие дела подлежали прекращению. На сегодняшний день такой возможности нет, и, мне кажется, ни в коем случае нельзя ни на кого налагать дополнительные обязанности, это очень сложно.

Поэтому хотелось бы, чтобы в новом УПК РФ или в новой концепции УПК РФ было учтено... Этот балласт, конечно, можно накапливать. Может быть, он интересен для исследователей как архивный материал, но с практической точки зрения мы будем всё время друг друга поражать, с каждым годом называя всё большие и большие цифры приостановленных уголовных дел.

С другой стороны, и вы сами должны понимать, это свидетельство... есть такой тезис, который нельзя вышибить: естественно, должно быть раскрыто каждое преступление, естественно, неотвратимость наказания и так далее.

В завершение. И Владимир Александрович, и Владимир Николаевич говорили на эту тему. Институт досудебных соглашений можно по-разному оценивать. С точки зрения следователя, могу вам сказать совершенно точно, не вижу оснований для того, чтобы он не работал по одной простой причине, что следователь к этому не имеет никакого отношения, поскольку система "обвиняемый – защитник – прокурор"... вот она – независимость трех фигур

на предварительном следствии, где от следователя подписи нет. Но все же этого хотят! Независимость следователя, независимость следствия... Вот тот инструмент. Поэтому, мне кажется, его просто нужно отладить. Наверное, надо наработать судебно-следственную практику по этому инструменту.

Так же как ситуация с рассмотрением уголовных дел в особом порядке. Была озвучена цифра – 84 процента. Ну, мы берем крайние цифры. Если уж идти до конца, то 85 процентов – это Республика Северная Осетия – Алания и 12 процентов, если мне память не изменяет, – Калининградская область. То есть разброс от 12 до 85 процентов, это совершенно точно.

Несколько недель назад это было темой для обсуждения на заседании, на мой взгляд, блестяще подготовленной коллегии Генеральной прокуратуры России, все эти проблемы обсуждались, был выработан целый комплекс мероприятий. И представляется, если мы заставим этот механизм правильно работать, то это будет реальная оптимизация процесса, хотя, я еще раз повторяю, есть и противники, есть и сторонники. Кто-то говорит, что без гособвинителя не очень здорово. С другой стороны, в таких случаях у гособвинителей утрачивается практика. Но, извините меня, для того чтобы кого-то попрактиковать, отменять тот институт, который существенно сокращает сроки судебного следствия, судебного разбирательства... Вечная проблема между тем, что истина и... Вести разговор о средствах достижения истины... Можно долго вести эти дискуссии.

Поэтому я поддерживаю основную идею, которая мне больше всего понравилась, наших сегодняшних слушаний. Давайте поступим так, как предлагает Владимир Николаевич Плигин: не просто создадим какую-то группу, которая будет где-то там отдельно и попытается, как у нас обычно принято, за полтора-два месяца что-то написать. История, конечно, интересная. Может быть, тоже попробуем. Я не знаю, не посмотрел, но, коллеги, всю жизнь генератором... везде всё, что писалось, – это был Институт государства и права Российской академии наук. И Михаил Соломонович Строгович, и Владимир Николаевич Кутафин, и наш Лунеев, и многие-многие другие... Я говорю, на сегодняшний день я счастлив, что Лунеев у меня преподавал криминологию. И то, что Владимир Сергеевич сказал, что сегодня криминология... Мы уже забыли, что такое виктимология, что такое философия права, что такое психология преступника и социология преступности. Поэтому работа в принципе у нас большая.

Алексей Иванович, еще раз хочу повторить: вот вы взвалили на себя эту ношу – мы вам готовы помогать. Спасибо.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Александр Николаевич.

Сейчас попрошу выступить судью Конституционного Суда Российской Федерации Александра Ильича Бойцова.

А.И. БОЙЦОВ

Спасибо за предоставленную возможность сказать несколько слов, хотя не без некоторого ощущения неловкости перед вами должен сознаться, что никакого доклада я не готовил и вообще выступление не планировал. Ну, как минимум по двум причинам. Причина первая – не было ясно до конца, смогу ли я приехать. У нас же есть такая штука, как кворум: он то "приходит", то "уходит". Во-вторых, мой нынешний статус приучил меня с некоторой сдержанностью высказывать заранее, обнародовать свое мнение по тем или иным вопросам, чтобы не быть вынужденным впоследствии брать самоотвод, поскольку уже определился по этой позиции. Поэтому вроде как по совести ты не вправе в этом участвовать, ты заведомо уже свою позицию обнародовал. Но всё же я с очень большим интересом и желанием сюда приехал для того, чтобы, как сказал одному здесь коллеге, которого встретил, послушать умных людей. И сделал это с огромным удовольствием, услышал очень много интересного, что нужно и самому переварить. Поэтому несколько слов по мотивам услышанного, исходя именно из этих соображений, поскольку не готовил доклад.

Я бы, во-первых, сказал, что, конечно, в идеале, как мне это уже субъективно представляется, сугубо субъективно, в идеале хорошо бы вот этот весь "тройник" (уголовное право, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право) реформировать одновременно. То есть комплексно. Если делать в квартире ремонт, то делать комплексно – и канализацию, и коммуникации все. А не так, что косметику навел, а потом придется ломать, стенки долбить. Ну, это очевидно.

Тут еще, к слову сказать, и прозвучала мысль, что мало этого "тройника", так еще и вопросы судопроизводства тут могут подключаться. То есть на самом деле это еще более комплексная задача, нежели исходя только из трех отраслей криминального цикла.

А с другой стороны, мне очень понравилось и навело на определенные размышления выступление Леонида Витальевича относительно того, что уголовно-процессуальное право по определению концептуально. И главное, как я понял, есть концепция, есть представление о том,

куда двигаться, можно сказать, возвращаться. Не в советское прошлое, а к классической модели, континентальной модели уголовного судопроизводства.

Вот пусть на меня обижаются мои коллеги, я ведь не процессуалист, я – материалист в этом смысле по происхождению, но вот такого рода цельной концепции в проекте я не увидел. Там очень много конкретики относительно того, что вот эта норма несовершенна, эта норма. Понятно, почему они несовершенны: бессистемные, спонтанные, невероятно обильные изменения. Они действительно превратили Уголовный кодекс в какое-то лоскутное одеяло. Ну, хорошо, вот эту норму надо подправить, эту подправить; здесь санкция не такая, здесь не то.

Я перед собой поставил вопрос: собственно, а есть ли концепция нового Уголовного кодекса? Каким он должен быть в принципе, концептуально? Не с точки зрения совершенствования диспозиций, санкций и, может быть, даже отдельных институтов, а концептуально. Может быть, из-за обилия вот этой конкретики, что называется, я виноват, потому что я не увидел за деревьями леса. То есть я запутался в этих конкретных предложениях, они меня увлекли, я стал читать и пропустил концепцию. Но мне кажется, что не так уж не прав был Леонид Витальевич, когда он высказал идею, что нужно реформировать уголовный процесс. Ну, он так не говорил, но я для себя вывод сделал, что, может, где-то не совсем так четко и синхронно... в принципе, можете отдать приоритет ему, потому что это важнее. А точно менять какие-то моменты... это тоже надо делать в разумных пределах. Ну, не знаю, но по крайней мере...

Не то что важнее, может, я слово неправильно подобрал, но, обратите внимание, если взять уголовное право... Уголовный кодекс с успехом выдерживает натиск жалоб на его неконституционность. Да и жалоб гораздо меньше, чем на уголовный процесс, на Уголовно-процессуальный кодекс. Уголовно-процессуальный кодекс не выдерживает этого натиска. То и дело Конституционный Суд признает неконституционными те или иные положения УПК РФ, но не УК РФ. Последнее, что признали неконституционным в УК РФ – это статья 222, связанная с незаконным оборотом холодного оружия. Да и то неконституционность проистекает не из статьи 222, а из закона об оружии, где не совсем четко прописаны вопросы оборота холодного гражданского оружия, антикварного, имеющего историческую, художественную, образовательную, культурную ценность и так далее. Но в целом-то Уголовный кодекс выдерживает.

Какой интересный вывод можно сделать? Если упрощать ситуацию (я слова заведомо упрощаю), в принципе, в том числе учитывая количество жалоб, народ согласен с тем, что вор должен сидеть в тюрьме. И он не особенно возмущается: а чего неконституционного в том, что за кражу наказывают, за убийство наказывают? В голову никому такое не приходит! Вор должен сидеть в тюрьме.

А вот когда дело доходит до того, что не пойман – не вор, – а как это доказать, как это установить? И в этом случае народ находит массу недостатков: вы неправильно доказываете, у вас не такой процесс, вы не делаете этого, не делаете того, УПК не позволяет то, и пятое, и десятое, короче говоря, вы, вообще, несправедливо судите. То, что судить таких людей надо, у нас сомнений нет, говорит народ (так образно я выражаюсь), а вот как судить – это уже другой вопрос. И в этом смысле просто несопоставимо количество жалоб на Уголовный кодекс и количество жалоб на Уголовно-процессуальный кодекс.

Мне лично импонирует мысль объявить мораторий.

Примерно три года назад мне довелось присутствовать на одном мероприятии в Верховном Суде Российской Федерации, и я там с ужасом осознал, что внесение изменений в санкции способно вообще парализовать судебную систему. Судьи будут только пересматривать старые дела, применяя обратную силу уголовного закона. Им некогда будет рассматривать новые. Поэтому действительно нужно крайне осторожно двигать санкции в любую сторону. Суд будет просто завален этой работой. И у нас огромное количество жалоб по обратной силе закона, потому что всё время меняют уголовные законы. Все осужденные жалуются, что очередное изменение, и, как они считают, должны были им, опять простите за вульгаризм, скостить, а не скостили. В чем дело? А ведь это конституционное положение относительно обратимости более мягкого закона. Не только положения статей 9, 8 УК РФ и так далее.

Поэтому хорошо бы, может быть, с учетом... тем более что если переходить к новой концепции, безотносительно к тому (я воздержусь от высказывания, от своего отношения к этому переходу, а нейтрально скажу)... Стоит ли до бесконечности совершенствовать старую, если вы собираетесь переходить на новую? Зачем ее доводить до такого блеска – чтобы положить в гроб и она там красиво смотрелась? Ну, если мы решили ее похоронить... Опять-таки я упрощаю ситуацию. Может быть, усилия направить как раз на то, чтобы определиться с концепцией? И если она принимается, этот переход к более континентальной модели, смещению акцентов на

континентальную модель, то бросить усилия на то, чтобы сделать новую модель более-менее приличной, а не латать то, с чем мы уже смирились, что от этого надо избавляться. Это первое.

И второе, последнее. (Прошу извинить меня, если задержал.) Мораторий – да, может быть, и неплохо, но всё же, уважаемые коллеги (тут уже чисто свой интерес), не будем забывать, что есть Конституционный Суд. И если он признает соответствующую норму Уголовного кодекса или Уголовно-процессуального кодекса неконституционной, то у вас есть определенные сроки для внесения изменений, и вы обязаны это сделать.

Вопрос об исполнении решений Конституционного Суда всегда был острым. Он и у нас обсуждался с участием уважаемых представителей, что не все решения Конституционного Суда исполняются. А их надо исполнять. Поэтому, уж извините, мораторий мораторием, но есть вещи, которые вы просто обязаны вносить. Вы это прекрасно понимаете, но и я не мог не напомнить, имея в виду, что у меня тоже свой профессиональный интерес в этом отношении, чтобы акцентировать внимание на исполнимости решений Конституционного Суда, поскольку эта проблема такая... бывают моменты, когда достаточно болезненно... Есть ведь у нас (это не имеет отношения ни к Уголовному кодексу, ни к Уголовно-процессуальному кодексу) решения Конституционного Суда, которые были приняты еще в 90-х годах (или в конце 90-х) и до сих пор не исполнены. Вот такие казусы бывают.

Спасибо большое. Извините за то, что я...

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Александр Ильич.

Сколько раз Александр Ильич вспомнил слово "санкция", столько раз я вспомнил Барака Обаму. *(Смех в зале.)* Сегодня это модное слово.

Есть еще у нас товарищи, которые хотели бы выступить. Единственная просьба: в связи с тем, что время нашей работы заканчивается, немного для себя внутренне сократить время, которое мы тратим.

Итак, Борис Яковлевич Гаврилов, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Пожалуйста.

Б.Я. ГАВРИЛОВ

Спасибо, Алексей Иванович, за предоставленную возможность выступить. Я бы хотел высказаться как практик, как человек, который более 30 лет отдал следственному аппарату, и в то же время в силу этого положения я достаточно активно занимаюсь наукой последние годы.

Безусловно, я хочу сказать слова благодарности в адрес той рабочей группы, которая готовила этот аналитический документ, достаточно интересный (я прочитал). Но, я думаю, и Владимир Сергеевич Комиссаров, и Леонид Витальевич Головкин, и другие не обидятся на меня, если я выскажу несколько практических суждений.

Сегодня уже затрагивался вопрос о том, что существует определенная триада: законодатель, суд и ученые. Но, к сожалению, Алексей Иванович, мы забываем, что к этой триаде должны быть и практики. Любая наука без практики мертва. И вот сегодня я могу это на некоторых цифрах показать.

Действительно, так оно и есть. Не оказалось в этом аналитическом документе (хотя с Леонидом Витальевичем на эту тему много раз говорили), на наш взгляд, взгляд практиков, принципиальных вопросов, которые требуют своего разрешения. Я в пятницу был на форуме в Санкт-Петербурге, встречался с руководителем следствия. Коллектив – более 1200 человек. Огромный коллектив. И руководитель следствия мне об этих вопросах тоже говорил.

Первая проблема связана с началом производства по уголовному делу. Да, она упомянута в аналитическом документе. Но я хочу на примере ряда цифр показать, что без решения этой проблемы, уважаемые коллеги, наш Уголовный кодекс и обеспечение прав граждан останутся словами. Пожалуйста, за 20 лет число так называемых отказных материалов увеличилось всего-навсего на 5,5 миллиона. В прошлом году мы отказали по 6,7 миллиона обращений граждан. Это ограничение, по существу, права на доступ к отправлению правосудия тех же граждан. Да, не всё, что отменяется... не по всем возбуждаются дела, но среди отказных материалов (та же статистика) только 1 200 тыс. краж, по которым лицо не установлено. И в силу нашего закона это решение не могло быть принято. И таких решений примерно миллион, таких же заявлений и сообщений о фактах причинения телесных повреждений, по которым тоже отказывалось в возбуждении уголовного дела. И, конечно, кивать на Генпрокуратуру и на органы прокуратуры сложно, им с этим объемом просто не справиться. И вот откуда следующая цифра.

Уровень преступности, или коэффициент преступности на 100 тысяч населения в Российской Федерации (многие об этом знают, но, может быть, не придают значения), – всего 1500 преступлений. В Германии, Франции, в других странах уровень преступности в четыре-пять

раз выше. Это очевидные вещи. А в Швеции – в восемь раз. Я думаю, никто из присутствующих не скажет, что уровень безопасности в Швеции в восемь раз ниже, чем в Российской Федерации. Всё наоборот. И МВД, и Генеральная прокуратура (я этой проблематикой, проблемой регистрации и учета, занимаюсь почти 20 лет) неоднократно принимали многочисленные меры. Я назвал это действиями административного фактора. Его хватало ровно на год. В цифрах это всё изображено, и всё достаточно ясно.

Возьмем другую проблему. Это тоже практическая проблема, которая требует разрешения, потому что, к сожалению, действующий УПК базируется на ряде положений не только УПК 1960 года, но даже УПК 1922 года. Более 90 лет прошло с принятия УПК РСФСР 1922 года, но как была процессуальная норма о сроках предварительного расследования – два месяца, такая она и сегодня. Но ведь за эти годы сложность уголовных дел возросла в десятки раз! Даже за последние 20 лет сложность возросла. А как было два месяца, так у нас и осталось.

Более критическая ситуация со сроками предварительного содержания под стражей, с первоначальным сроком. Сегодня из тех двух месяцев, которые даются следователю, от 10 до 30 суток дается, по сути, прокурору для проверки материалов поступившего уголовного дела и принятия решения, и еще 14 дней остается за судом. У следователя остается всего 16 суток. Для чего мы тогда в УПК вводили норму-принцип, статью 6¹? Ведь если даже мы обратимся к нашим решениям (это совместное решение Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, которое устанавливает разумный срок)... По уголовным делам это до четырех лет. Кстати, европейский суд с этой цифрой полностью согласен. А мы по-прежнему держимся за положения 90-летней давности.

Есть еще ряд практических проблем, их можно, к сожалению, перечислять до бесконечности, я не буду этого делать. Но могу только сказать, что требует реорганизации институт предъявления обвинения. На протяжении десятков лет это было основанием для вступления в дело защитника. Но, извините меня, уважаемые коллеги, сегодня защитник в дело вступает по 23-му федеральному закону уже с момента получения объяснения лица, которое может быть причастно к этому противоправному деянию.

Еще проблемы связаны с заочным заключением под стражу. Много мы об этом говорим, и будем говорить, пока не грянет гром. А гром грянет рано или поздно. 150 тысяч находятся в бегах, и мы ничего с ними не можем сделать.

Давайте посмотрим уголовно-процессуальное законодательство. Во Франции, в Германии эта проблема решена, и мы об этом уже десять лет говорим, но, к сожалению, не двигаемся. И про УПК можно еще многое сказать, я только два слова хотел бы...

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

У нас очень мало времени.

Б.Я. ГАВРИЛОВ

Алексей Иванович, я редко выступаю с этой трибуны, уж простите меня.

Проблемы связаны с совершенствованием уголовного законодательства. Здесь говорилось о шкале наказаний. Без решения этой проблемы, и не только того, о чем говорилось, – коррупционность уголовного закона... А возьмите назначение наказания при совокупности совершения преступлений. Вот один приговор. Мещанский суд города Москвы приговорил обвиняемого по статье 159 части четвертой (санкция до 10 лет) за 25 эпизодов (дословно) к пяти годам лишения свободы за каждый эпизод. Итоговое наказание назначил – шесть лет лишения свободы. Ну, что это, не издевательство над законом?! Для чего эта норма совокупности преступлений, если она так используется? А для того, чтобы наше правосознание воспитать, я думаю, 50 лет нам не хватит. Без решения таких принципиальных вопросов достаточно сложно.

Завершая свое выступление, я хочу высказать точку зрения. Конечно, речь должна идти не о принятии новых УПК или УК, но о новых редакциях, потому что за создание нового УК и нового УПК, я думаю, среди коллег, которые здесь присутствуют, вряд ли кто возьмется. Спасибо за внимание.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Борис Яковлевич.

Пожалуйста, профессор Голик Юрий Владимирович.

Единственная просьба: соблюдайте регламент. Самое лучшее, что я вынес из Парламентской ассамблеи Совета Европы за мои восемь лет работы там: звенит очень громкий звонок, и хочешь не хочешь – твое время регулируется не председательствующим, а техникой. Прошу прощения.

Ю.В. ГОЛИК

Можно еще катапульту сделать и рычаг у председателя.

Уважаемые коллеги! Прежде всего, прошу обратить внимание на то, что впервые с момента принятия кодексов – Уголовного, УПК и Уголовно-исполнительного – мы присутствуем

на таком мероприятии, когда системно рассматриваются все три закона. До этого было рваное, точечное включение, что-то там говорили, критиковали, но не более того. Я хочу обратиться только к резолютивной части нашего документа по той простой причине, что наши слушания должны вылиться в какую-то практическую работу.

Вот те рекомендации, которые здесь изложены. Начну со второй, хоть они не пронумерованы: "Для того чтобы осуществлять последовательную и системную борьбу с преступностью, необходимо разработать единую концепцию и так далее до 2020 года".

Что за магия цифр "2020"?! Я всё время писал, и в предыдущих документах было: 2030. Не годится на пять-шесть лет разрабатывать концепцию, которая потом... она будет носить временный характер. Нет, мы можем до 2030 года всё это делать спокойно. И не в рамках этой концепции, а на основании этой концепции, и не на следующем этапе, а просто приступить к разработке новых редакций Уголовного, Уголовно-процессуального и других кодексов. Вот Александр Ильич Бойцов правильно говорил, что необходимо комплексно, одновременно и, главное (и это надо записать тоже), одним пакетом принимать. Это принципиальный момент. Мы в 1996 году хотели это сделать, тогда не получилось по разным причинам – давайте сделаем сейчас, есть у нас такая возможность.

Следующая рекомендация. Образовать единый центр уголовной... Ну, почему единый центр уголовной политики? Центров таких может быть много. Главное, что надо образовать такой центр.

Очень хорошо дальше. В скобках – "помощник Президента Российской Федерации", а дальше опять, Алексей Иванович, "по государственно-правовой политике, безопасности и законности". Не очень хорошо сформулировано, во-первых. А во-вторых, мне кажется, просто некорректно Совету Федерации давать Президенту указания, не указания – рекомендации, как называть своего помощника. Если он сочтет нужным привлечь такого помощника, он сам ему "железяк на пузо навешает" ровно столько, сколько сочтет нужным. Вот помощника упомянуть очень бы хотелось, а как его называть – это дело Президента.

И далее – "или". Никакое не "или", а "и", запятая, как угодно, потому что совет по уголовной политике при парламенте Российской Федерации и центр уголовной политики при Президенте – у них совершенно разный функционал. Они будут совершенно спокойно расходиться по направлениям своей деятельности. Нужно и то, и то. Никаких пересечений здесь не будет.

И последнее, что касается дня кодифицированных актов... Давно выступаю с этим предложением, прекрасно, что здесь оно записано, я просто поясню, что он будет проводиться, если примет такое решение Государственная Дума, раз в сессию. Но это вовсе не значит, что в случае необходимости принятия не то что оперативных изменений, а если изменяется, например, какой-то природоохранный закон, в котором просто изменяется терминология, – ну, чего же мы будем ждать дня кодифицированного акта лишь для того, чтобы внести изменение в терминологию Уголовного кодекса? Это можно сделать одновременно. Здесь не будет нарушения логики здравого смысла.

На этом всё. Надеюсь, я регламент не перебрал.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Юрий Владимирович.

Просьба выступить Евгения Георгиевича Тарло. Сенатор, профессор, адвокат.

Е.Г. ТАРЛО

Уважаемые коллеги! Я очень кратко, просто замечания и специально, может быть, дискуссионно... В уголовном праве, на мой взгляд, поддерживаю коллег, я пошел бы дальше. По совокупности преступлений, на мой взгляд, не должно быть ограничений. Совершил 10 убийств – получи 100 лет. Умер, не умер... и так далее. И не переполнит это наши места лишения свободы. Не так много таких преступлений совершается. Я думаю, это будет иметь важное психологическое и социальное значение.

В уголовном процессе... На мой взгляд, наш уголовный процесс и нашу правоохранительную систему губят созданные вертикали: вертикаль судебная, вертикаль следственная. Следователь и судья – это должны быть лица абсолютно процессуально самостоятельные. Все указания – только в письменном виде. Вот принял следователь решение, пусть он и отвечает за него, а начальник безо всяких совещаний, безо всяких натяжек дает письменное указание.

Мы сейчас смотрим, по 100 раз отменяют... Ну, 100, не 100, два, три, четыре, пять раз любое сложное дело отменяется, прекращается, направляется туда-сюда, а указания все шепотом – от начальников, от боковых начальников и так далее. Только потом все они отошли, и непонятно что. У человека растоптана репутация, а дело прекращено, или наоборот.

Поэтому, я считаю, должно быть процессуальное решение, и хватит этой волокиты – по 100 лет рассматривать, мусолить одно и то же. Вот у нас так теперь получилось: 14 миллионов

каких-то непонятных дел, которые висят и никогда не будут рассмотрены, 6,5 миллиона дел отказных, не понятно, по каким причинам, и так далее. Должны быть вынесены процессуальные решения в рамках компетенции.

К сожалению, в судебной системе, вы все об этом знаете, тоже сложилась вертикаль. Нужно ее разрушать, на мой взгляд. Может быть, это спорно.

И третье – по экономическим преступлениям. Вы меня простите, но, на мой взгляд, те, кто у нас пишет законы, включая нас с вами, очень плохо понимают специфику экономических преступлений. Если идти по тому подходу, как мы подошли к экономическим преступлениям, то в Уголовном кодексе должно быть три статьи: мошенничество, хулиганство и, наверное, изнасилование. И всё можно туда запихнуть.

Экономика – это настолько многообразный материал, что там существуют сотни различных ситуаций, которые государство может посчитать, установить запретительную норму. Что такое уголовное право? Это ведь не то, за что нужно наказать, а то, чего не должен человек совершать, или предприниматель. Значит, поскольку ситуаций много, они очень разные: финансы, банки, строительство. Не так, что мошенничество в сфере строительства, мошенничество в сфере финансов, – должны быть конкретные нормы.

Кто их должен выработать? Те, кто этим занимается от лица государства. Значит, у нас Минэкономразвития, Центральный банк, Министерство финансов должны сказать. Сейчас уже практика сложилась, у нас уже рыночная экономика действует. Нужно посидеть вместе с предпринимательским сообществом, с криминологами (слава богу, еще не убита наука, можно найти криминологов, социологов), посмотреть, подумать, собрать наиболее типичные составы, сделать их конкретными. Не расширительно, не натягивать всё, что произошло в сфере экономики, на статью "Мошенничество", что очень любят делать недобросовестные следователи, для того чтобы, там, санкция побольше и так далее. Давайте так: совершил предприниматель, установили – пусть он там два месяца отбудет. Или если 10 лет, значит, 10 лет, но не надо рассматривать по 10 лет одно и то же, потому что у нас расходы на судопроизводство и расследование могут быть больше самого этого хищения. Об этом все перестали думать. А у нас следственный аппарат совсем не бесплатный. Бывает, по 10 бригад дознавателей работает, оперативников, прослушивание ведется, совещания проводятся, а потом заканчивается это дело ничем.

Я думаю, здесь должен быть подход, и он должен изменить отношение к предпринимательскому климату. Должны быть конкретные запретительные меры. Поэтому, на мой взгляд, если экономических статей будет не четыре, не пять, а 125, то это несколько не расширит уголовную ответственность. Это говорит о том, что конкретно ты не имеешь права делать. Это не значит, что будет расширение ответственности. Это предпринимателю нужно.

Это всё, что я хотел сказать. Спасибо.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Евгений Георгиевич.

Профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Вячеслав Иванович Селивёрстов.

Пожалуйста.

В.И. СЕЛИВЁРСТОВ

Уважаемые коллеги! Необходимость принятия новой редакции Уголовно-исполнительного кодекса описана в материалах, которые вам розданы. Я принимал участие в подготовке этих материалов. Есть причины, в связи с которыми, мы считаем, необходима новая редакция кодекса.

Хочу сказать, что Уголовно-исполнительный кодекс – важная часть уголовной политики в целом, потому что, как правило, представители... я бы Владимира Сергеевича, вот он ушел, процитировал, как он говорит – "чистые уголовники", они говорят о том, как наказать, но обычно забывают о том, что эти люди не вычеркиваются, не отправляются на Каймановы острова, а остаются у нас, и с ними надо работать, соответственно, исполнять наказание, а потом они выходят... Поэтому призывы к тому, чтобы сделать 150 лет, 50 лет, могут иногда осложнить деятельность этой системы.

Помимо того, что Уголовно-исполнительный кодекс нуждается в новой редакции, хотел бы привести еще один аргумент в пользу этого. К сожалению, практика исполнения наказаний отходит от уголовно-исполнительных норм, от Уголовно-исполнительного кодекса, а это очень опасно, поскольку Украина, в частности, была передовой в части исполнения наказаний и в рамках уголовного процесса, и уголовного права. Они говорили о том, что в полном объеме восприняли все европейские ценности и реформировали законодательство. Сейчас мы наблюдаем результаты этих ценностей и, соответственно, реформирования.

Так вот, отход от практики. Сначала подало, к сожалению, не очень хороший пример, само Министерство юстиции, ввели понятие "сепарация осужденных", хотя я считал всегда, что сепарация – это отделение сметаны от молока, но оказалось, что это разделение осужденных. Затем ввели понятие и, соответственно, закрепили нормативно "социальные лифты" для осужденных, хотя, по моему мнению (можете не разделять мое мнение), "социальные лифты" – это элемент коррупции, коррупционный. Можно сказать, человек без достаточных профессиональных и иных качеств возвышается от директора мебельного комбината до определенной должности, а потом, соответственно, это заканчивается... Иностранные специалисты, когда узнали о том, что мы ввели "социальные лифты" для осужденных, похвалили нас и сказали: "Вячеслав Иванович, вы гуманисты, потому что мы знаем, что у вас все исправительные учреждения, ну, общежития, где проживают осужденные, двухэтажные, и то, что вы ввели лифты и возите осужденных на второй этаж – это очень хорошо, вы молодцы!" Ну, хорошо. Ладно.

21 апреля на сайте ФСИН появилась информация о том, что в исправительной колонии № 6 города Липецка открыли социальное бюро как вид исправительного учреждения, хотя в законе нет никакого социального бюро, а там есть, появилось. Фотографии отбывающих наказание, торжественное открытие, ленточки разрезают, 700 тыс. рублей израсходовано на условия отбывания наказаний, которые не предусмотрены в законе вообще. Ну, может быть, потом появятся социальные казематы, не знаю, может быть. Последнее изменение, когда я был в Сербии (четыре дня назад вернулись мы), появилось интервью, и "Российская газета" написала о кубриках для осужденных. Осужденные будут в кубриках. Я думаю, что следующим нововведением будет то, что осужденные уже в кают-компаниях будут, наверное, отбывать наказание. Ну а в улучшенных условиях – в каютах будут находиться.

Вы знаете, вот эти фантазии, иначе их не назову, не очень хороши, над ними не только можно иронизировать, а их нужно опасаться, потому что эти фантазии формируют у народа впечатление о том, что реформа идет, а когда на поверку оказывается, что это не так, что это только фантазии, – потом мы по кирпичику складываем эту брусчатку майдана нашего, который может у нас случиться. Вот на этот момент я бы хотел обратить внимание.

И, соответственно, по технологии нашей деятельности. Я имею собственную позицию о том, как бы нам идти на новые редакции кодексов, а при новых редакциях кодексов не обязательна концепция, потому что концепция остается старая, мы только делаем новую

редакцию в данном случае. Так вот, понимая, что никто не даст объявить мораторий, ни Конституционный Суд... забыл еще Президента, Президент в первую очередь не даст объявить мораторий на изменение законодательства, жизнь-то идет, соответственно, складываются всякие ситуации, нужно менять законодательство, – так вот, я бы поручил всё-таки (может быть, указом Президента, распоряжением Президента, Правительства) создать рабочие группы при учебном заведении, например, по уголовному процессу при МГУ, по уголовному праву при МГУ и по уголовно-исполнительному... Конечно, не ведомственный должен быть подход, а при учебном заведении гражданском. И, соответственно, года на два поручил бы создать новые модельные редакции Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодекса. Но в этом распоряжении указал бы не только состав рабочей группы (кто будет работать), но и дал бы поручение правоохранительным, государственным органам активно работать, представлять статистику, материалы. А затем бы посмотрел на окончательный результат, что у нас получилось, и власть бы (она отвечает за нас, хотя мы и предлагаем власти какие-то решения, но ответственность несет она) посмотрела и сказала, получилась всё-таки редакция в данном случае или не получилась, и принимала бы уже окончательное решение.

Спасибо.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо, Вячеслав Иванович.

Вы знаете, у нас выступили все, кто хотел выступить, поэтому я, разрешите, несколько слов скажу.

Я очень хочу поблагодарить членов экспертного совета, членов рабочей группы, всех работников правоохранительных органов, которые на очень высоком уровне... все первые лица правоохранительных органов с большим вниманием наблюдают за работой нашего коллектива. И должен вам сказать, что мы сейчас не заканчиваем свою работу, а только начинаем её.

Вот та работа, которая проведена за эти четыре месяца, вот некий анализ ситуации, некое возвращение государства к этой серьезной проблеме, а мы в большом долгу перед этой проблемой: мы бросились в цивилистику, мы бросились в рыночную экономику, мы совсем забыли, что не получится никакого государственного строительства без решения вопросов в сфере уголовной политики, в сфере защиты тех ценностей, о которых Владимир Николаевич говорил, и я ему за это очень благодарен, и нам нужно вернуться к вопросам общим, памятуя о том, что частных вопросов без общих мы не решим, – я вам должен сказать, что мечтал об этой

работе Владимир Николаевич Кудрявцев. Он был нашим единомышленником в том, что мы сегодня делаем. И мне бы очень хотелось, чтобы мы все вместе эту работу продолжали.

Сейчас я бы попросил вас всех, у кого будет возможность, в летнее время написать свои дополнительные какие-то пожелания в плане развития этого направления и в практике, и в науке, и в теории, и в деталях, и в общих вопросах, и чтобы мы в ближайшее время вернулись к этой проблеме. Мы будем продолжать работу по тому направлению, которое мы все вместе здесь с вами определили.

Всё это будет сгруппировано, всё это будет доложено и Президенту, и руководителям палат российского парламента. Будем обсуждать дальнейшее развитие этой темы, этой работы.

А сейчас я вам хочу еще раз сказать большое спасибо за совместную работу и за нашу дружбу, которая только окрепла в этом процессе. Спасибо.
